

В.И. Петрушко

История Русской Церкви

с древнейших времен

до установления патриаршества

Православный

Свято-Тихоновский

Гуманитарный Университет

В. И. Петрушко

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

**с древнейших времен
до установления патриаршества**

Москва
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
2007

55135

УДК 271.22-9(075.8)

ББК 86.372.24-3я73

П 30

Под редакцией иерея А. Салтыкова

Учебное пособие одобрено Советом богословского факультета
Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Петрушко В.И.

П 30 История Русской Церкви с древнейших времен до установления
патриаршества: учеб. пособ. — Изд. 2-е. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2007.
— 356 с.
ISBN 5-7429-0199-2

ISBN 5-7429-0199-2

© Петрушко В.И., 2005, 2007
© ПСТГУ, 2007

Глава 16. Ересь «жидовствующих» и борьба с еретиками

Появление ереси «жидовствующих» в Новгороде. Деятельность Схарии и его соратников, совращение ряда видных представителей новгородского духовенства. Протопопы-еретики Денис и Алексей. Распространение ереси в Москве. Дьяк Феодор Курицын, архимандрит Зосима Симоновский, великая княгиня Елена Волошанка и др. адепты «жидовства». Обнаружение ереси в Новгороде. Розыск по делу о еретиках, предпринятый св. Геннадием, архиепископом Новгородским. Причины невнимания московских властей к делу «жидовствующих». Борьба св. Геннадия Новгородского с ересью.

Время правления митрополита Геронтия стало для Русской Церкви временем весьма тяжелого испытания по причине появления и распространения на Руси так называемой ереси «жидовствующих». По сути ересь это лжеучение назвать нельзя. Этот термин применяют к «жидовствующим» весьма условно, так как любая ересь все же подразумевает некое искажение христианского учения. Здесь же имело место практически полное отрицание христианства и возврат к иудейскому исповеданию. Однако исторически наименование «ересь жидовствующих» давно закрепилось за этим движением, и мы по традиции будем им пользоваться.

Возникла ересь в Великом Новгороде около 1470–1471 гг., еще во время правления митрополита Филиппа. Однако долгие годы о ее существовании ничего не подозревали не только в Москве, но и в самом Новгороде: конспирация в среде адептов «жидовства» была отменной. Интересно, что один из последних Новгородских архиепископов периода самостоятельности – святитель Иона – предвидел падение новгородской свободы и оплакивал ее. Иона говорил, что по грехам новгородцев они лишатся своей свободы и Новгород будет покорен Московским великим князем. Можно думать, что как великий святой Иона, ничего еще не зная о наличии в Новгороде «жидовствующих», духовным оком прозрел, что где-то рядом происходит нечто глубоко враждебное Православию. И святитель оказался прав в своих предчувствиях. Именно из Новгорода берет свое начало ересь «жидовствующих». Здесь она свила себе гнездо и отсюда стала распространяться дальше по Московской Руси.

Косвенной причиной появления в Новгороде «жидовствующего» вольномыслия стало все то же, уже упомянутое ранее, стремление новгородцев любой ценой сохранить свою свободу. Как уже отмеча-

лось, понимая невозможность самостоятельно бороться с Москвой, новгородцы искали себе союзника, которого увидели в Литве. Уже шла речь о партии бояр – сторонников литовской ориентации, которых возглавляла Марфа Борецкая. Эти яростные противники Москвы пошли на откровенное предательство, стремясь отдать Новгород под власть Казимира IV Ягеллончика, наивно веря его обещаниям сохранить в неприкосновенности новгородские вольности и православную веру.

В то время, когда новгородские бояре затевали интригу с предполагаемым вхождением своего города в состав Литовского государства на правах автономии, в Новгород прибыл князь Киевский Михаил Олелькович (правнук Ольгерда Литовского). Этот Гедиминович, приходившийся родственником Казимиру IV, должен был стать Новгородским князем. Тем самым бояре демонстрировали свою приверженность курсу на сближение с Литвой. Михаил Олелькович был православным. Некогда он даже был в числе тех немногих литовско-русских князей, которые объявили, что будут признавать своим митрополитом не Григория Болгарина, а св. Иону. Михаил прибыл в Новгород с огромной свитой. И хотя в конечном итоге вся затея партии Борецкой кончилась провалом, важно отметить, что неожиданным образом приезд князя Михаила повлек за собой появление ереси «жидовствующих», о чем сам Киевский князь скорее всего ничего не подозревал. Все дело было в том, что среди многочисленной свиты Михаила Олельковича оказался некто Схария, иудей, занимавшийся то ли торговлей, то ли врачеванием, человек тихий и неприметный. Никаких более подробных сведений о том, кто он был, не сохранилось. Высказывались предположения о его связи с одним из направлений иудаизма – сектой караимов. Но это не более, чем предположение: ересь «жидовствующих» от учения караимов весьма сильно отличается. Все, что касается Схарии, удивительным образом оказалось покрыто туманом неизвестности. Настолько, что некоторые современные советские историки-интернационалисты даже стали утверждать, что никакого Схарии не было вовсе.

Кстати, надо особо оговорить, что слова «жид», «жидовство», «жидовствующие» на Руси в то время отнюдь не имели никакого бранного антисемитского смысла, который в них стали усматривать позднее. Это было просто обозначение религиозно-этнической принадлежности, славянская транскрипция слова «иудей», к тому же очень близкая аналогам из многих других европейских языков. Отсюда и

название секты – «жидовствующие», то есть «иудействующие», «подражающие или следующие иудеям».

Вскоре, как уже говорилось, затея Борецкой и ее присных провалилась и Литовское посольство князя Михаила отбыло обратно. Но Схария, тем не менее, почему-то остался в Новгороде и активно занялся здесь прозелитизмом. Хотя об обращении в иудаизм в чистом виде речь не шла: иудаизм, как религия этнически детерминированная, почти не склонен к подлинному прозелитизму. Можно предположить, схема деятельности Схарии в Новгороде напоминала ту, которая некогда имела место в Хазарии: обратиться, в первую очередь, представителей элиты общества, дабы через них получить влияние на политическую и экономическую жизнь Новгорода. Складывается впечатление, что Схария действовал отнюдь не по собственному почину, а был послан какими-то иудейскими религиозными структурами.

Распространение влияния иудаизма в мире и подчинение иудейской общине наиболее выгодных в геополитическом отношении стран и народов – факт, неоднократно отмеченный в истории. Еще в Библии говорится о подчинении персидского царя Артаксеркса влиянию иудеев через его жену Эсфирь. Позднее иудеи подчинили своему влиянию Кордовский халифат и другие арабские государства на Пиренеях. То же самое имело место и в отношении Хазарского государства. В нем, как известно, собственно иудеи составляли незначительное меньшинство, которое пришло к власти через обращение в иудаизм семьи кагана и верхушки общества. Большая часть населения каганата по-прежнему оставалась при своих верованиях – языческом, мусульманском, христианском, но была подвластна иудейской элите, которая держала в своих руках бразды правления и осуществляла политику в своих интересах (например, в руках хазарских иудеев была сосредоточена практически вся приносящая баснословные доходы торговля шелком с Китаем). Под ударами русского князя Святослава Хазарский каганат распался и полностью исчез с лица земли во второй половине X века.

В арабской Испании иудеи также занимали ведущие позиции. Но в ходе Реконквисты испанцы вытеснили арабов с Пиренеев. Вместе с тем пришел конец и иудейскому влиянию в Испании. Во второй половине XV в. соединившиеся через брак королевы Изабеллы и короля Фердинанда Арагон и Кастилия отвоевывают у арабов последние их владения на Пиренейском полуострове (в 1492 г. Реконкиста завершилась взятием Гранады). Повсеместно испанские католики изгоняли иудеев или принуждали их к принятию католицизма. В это

время значительное число испанских евреев эмигрировало из страны, расселившись по всей Европе и Средиземноморью. Центр религиозно-политической жизни иудеев перемещается в польско-литовские пределы. Польша, где начиная с XIV в. иудеям были дарованы большие привилегии с целью привлечения в страну ремесленников и торговцев, на долгие годы становится страной с самой большой в Европе численностью еврейского населения. Иудеи пользовались здесь совершенно исключительными привилегиями, дарованными польскими королями, что было связано и с восточной политикой Польского королевства. Казимир III завоевал Галицию и часть Волыни и стремился колонизировать эти земли, привлекая на них различными льготами немецких и еврейских купцов и ремесленников, чтобы, разбавив русское население пришлым элементом, прочнее привязать эти области к Польше. Из Польши иудеи проникли в Литву – это произошло еще при Гедимине, который также снабдил их обширными привилегиями. Однако в XV в. в Литве было издано несколько антииудейских законов: евреи изгонялись из пределов великого княжества, а их имущество конфисковалось. Потом эти дискриминационные меры отменялись, затем вводились снова. Подобную нехитрую методику изъятия накопленных евреями денежных средств путем конфискаций в средние века применяли многие европейские монархи.

Для того, чтобы понять причины появления Схарии в Новгороде именно около 1470 г., важно отметить эти два хронологических совпадения: во-первых, завершающая фаза Реконкисты в Испании и массовый исход евреев с Пиренеев, а во-вторых, издание антииудейских законов в Литве. Возможно, что именно эти причины побудили определенные иудейские круги заняться поиском нового места, где можно было бы на практике попытаться повторить опыт Хазарии и арабской Испании.

Новгород привлек внимание Схарии далеко не случайно. Иудейская пропаганда в православной среде, конечно, была делом весьма сложным. Но Новгород с его спецификой торгового центра, где сложились особые условия терпимости к иным вероисповеданиям и характерный для купеческой среды рационалистический менталитет, выглядел наиболее уязвимым местом Православной Руси. К тому же ересь стригольников, отголоски которой были здесь еще живы, уже успела подточить сознание многих новгородцев и явилась неким «пробным шаром», позволявшим надеяться на успех в деле дальнейшего расшатывания православных устоев жителей Новгорода.

Трудности предприятия Схарии требовали участия в нем помощников. Поэтому Схария через какое-то время выписал себе из Литвы сотрудников. Известны их имена: Моисей Хануш и Иосиф Шмойла Скоровой. Возможно, что речь идет не о двоих иудеях, а о большем их числе (знаков препинания в древнерусских письменных источниках нет, и записанные подряд имена не дают возможности четко определить, скольким людям они принадлежат). Похоже, что у Схарии был в Литве некий штаб, откуда он мог приглашать помощников по мере развития своей миссии.

Успехи иудейской пропаганды в Новгороде были весьма велики. Как уже говорилось, учение Схарии не было собственно ересью, так как от христианства как такового в нем уже почти ничего не оставалось, кроме чисто нравственного учения, повисавшего в воздухе без христианской догматики. Прежде всего отрицалась Божественная природа Иисуса Христа. Христос, с точки зрения «жидовствующих», – не более чем нравственная личность, учитель праведности. Вместе с христианским вероучением отменялась и православная обрядность, как более ненужная. Все христианские праздники отвергались. Зато «жидовствующие» совершали настоящую иудейскую Пасху.

Антиправославная пропаганда велась тайно и очень умело, можно сказать – вполне профессионально, на высочайшем уровне конспирации. Иудаизм к XV столетию накопил огромный многовековой опыт в этой области. Конспирация в среде «жидовствующих» по своему уровню сопоставима разве что с большевистской в начале XX в. Она основывалась на том же принципе, который потом с успехом использовали разного рода революционеры. Создавалась сеть ячеек – «тройки», «пятерки». Но о своих соседях их рядовые представители, как правило, ничего не знали, а потому выдать их в случае розыска не могли.

В результате такой тщательной конспирации о деятельности «жидовствующих» церковные власти ничего не знали в течение целых 17 лет. За это время движение это успело выйти далеко за пределы Новгорода и перекинуться в столицу. При этом пропаганда велась почти исключительно среди высших кругов общества. В Новгороде еретики действовали, в первую очередь, среди наиболее образованных и влиятельных слоев населения – новгородского духовенства и купечества, имевшего большой вес в обществе, но духовно неглубокого, нетвердого в своем Православии и привыкшего благодаря своим заморским путешествиям снисходительно относиться к верова-

ниям других народов. И лишь затем пропаганда «жидовствующих», распространившись и на Москву, начинает медленно, но уверенно обволакивать круги, близкие к великому князю, внедряясь в конце концов даже в семью государя и поражая со временем даже Предстоятеля Русской Православной Церкви.

Первыми и наиболее влиятельными последователями Схарии стали два новгородских священника – попы Денис и Алексей. Они прошли основательную школу у Схарии и его сотрудников. Причем, были соращены не только сами эти священники, но и члены их семей – жены, дети. Денис и Алексей оказались настолько преданными учениками Схарии, что даже хотели принять обрезание. Но сами иудеи воспротивились этому. Вероятно, как это почти всегда имело место при иудейском прозелитизме, в намерения Схарии вовсе не входило делать из новгородских попов т. н. «прозелитов врат», вводя их в число «народа избранного». Обращенные, по мысли пропагандистов «жидовства», должны были лишь служить делу иудеев. В Новгороде у Схарии был какой-то свой, мало известный нам план. Мы видим лишь верхушку этого тайного айсберга. Здесь, вероятно, было важно не создать подлинную иудейскую общину из полноценных прозелитов, а разложить православное общество, которое представляло собой наибольшую опасность для иудейской пропаганды. И лишь после этого, как можно предположить, в Новгород на подготовленную почву могли прибыть те, кто составил бы здесь настоящий центр этнического иудаизма.

Алексею же и Денису доходчиво объяснили, что в случае обрезания они могут быть через это легко уличены в «жидовстве». Поэтому отказ мотивировали соображениями конспирации: ревность соращенных новгородских клириков в иудействе приходилось ограничивать изнутри сообщества «жидовствующих», чтобы оно себя случайно не открыло. Но в качестве поощрения, чтобы новоявленные ревнители Моисеева Закона не огорчались, им позволили тайно переменить имена. Алексей получил имя Авраама, а жена его стала Саррой. Вероятно, учителя русских «жидовствующих» играли здесь на мелком тщеславии протопопа-еретика. Ему льстили как родоначальнику будущего народа, который якобы станет новым хозяином Руси.

В современной исторической литературе у ряда авторов можно встретить мнение о том, что движение «жидовствующих» вовсе не было попыткой водворения иудаизма на Руси. При этом обычно говорится о том, что прозелитической активностью Схарии и его подручных объяснить данный новгородский феномен нельзя. Новго-

родское «жидовство» нередко пытаются представить, как некое близкое к европейскому Ренессансу явление, эдакое либеральное, культурно-гуманистическое движение, которое якобы стремилось просветить дремучую Русь, закосневшую в своем православном консерватизме. Некоторые авторы в этом движении умудряются усмотреть даже некий антифеодальный пафос. В советскую эпоху подобные взгляды пропагандировал такой крупный историк, как Яков Соломонович Лурье. К сожалению, приходится констатировать, что традиционная неловкость, почему-то вызываемая всякий раз любой проблемой, связанной с темой еврейства, не позволила Я.С. Лурье объективно подойти к изучению ереси «жидовствующих». В своих трудах Лурье доказывал, что никаких Схарии, Моисея Хануша и Скоровея не было вообще. Это, по его мысли, не более, чем миф, придуманный преп. Иосифом Волоцким, который якобы был подвержен антисемитским настроениям (правда, говорить о неприязни к евреям на Руси на рубеже XV–XVI вв. просто не приходится, так как они в это время здесь вообще не проживали). Лурье считал, что никаких иудеев-миссионеров в Новгороде не было, а начало движению якобы дали Алексей и Денис – великие русские просветители, которые были на голову выше своих дремучих современников. И за то, что они прониклись идеалами западноевропейской культуры и либерализма, «антисемит» Иосиф Волоцкий будто бы и приклеил им ярлык «жидовствующих». Такую гениальную в своей простоте концепцию выдвинул Я.С. Лурье. Его публикации по теме «жидовствующих» включают в себя многие подлинные тексты того времени (например, послания преп. Иосифа Волоцкого и Новгородского архиепископа Геннадия, который первым обратил внимание на «жидовствующих») – этим, несомненно, труды Лурье ценны. Однако эти документы прокомментированы Лурье таким образом, что читатель верит: вся история про Схарию выдумана от начала до конца.

Увы, в этом с Яковом Соломоновичем нельзя согласиться. Источников, которые свидетельствуют о новгородских еретиках, имеется немало. Поэтому следует либо признать, что на Руси действительно имела место попытка насаждения «жидовства», либо считать весь этот корпус источников мистификацией, целью которой было очернить двух новгородских «прогрессивных» попов. Последнее предположение слишком явно отдаёт столь модной сегодня «фоменковщиной», и поверить в него трудно.

К сожалению, тема новгородского «жидовства» находит сегодня не слишком много исследователей, что вполне объяснимо с точки зре-

ния современных политических реалий. Современные западноевропейские историки, которые хоть в какой-то степени касаются темы новгородских «жидовствующих», с неизбежностью оказываются на позициях, близких к тем, которые отражены в работах Лурье. Можно сказать, что это дань времени, так как после Холокоста времен Второй мировой войны демократическая Европа всякий раз испытывает неловкость во всем, что хотя бы краем касается еврейского вопроса. Это отчасти заметно и в нынешней России. Появляется хроническая тенденция сглаживать все связанные с данной темой нюансы, так как любое кажущееся кому-то двусмысленным высказывание способно вызвать шквал обвинений в антисемитизме. Это, конечно, чревато отступлением от объективного анализа вопроса о русских «жидовствующих», хотя, безусловно, никак нельзя признать нормальным, что и в этом конкретном случае, как и во многих других, проблемы религиозно-идеологические неоправданно отождествляются с национальным вопросом. Дело ведь в реальности отнюдь не в еврейском происхождении, а в том антихристианском пафосе, которым всегда отличался талмудический иудаизм, сформировавшийся уже после Боговоплощения и отвержения Иисуса Христа подавляющим большинством иудеев. Этот так называемый талмудический или раввинистический иудаизм является системой взглядов, ориентированной по сути своей именно антихристиански. Это связано прежде всего с той хулой на Христа, которая содержится в Талмуде, и ожиданием пришествия другого мессии, который в соответствии с христианскими воззрениями будет лжемессией-антихристом.

Если говорить о том духовном содержании, которое стоит за событиями, связанными с появлением на Руси ереси «жидовствующих», то в этом смысле абсолютно несущественно, было ли распространение этого лжеучения на Руси следствием чьего-то продуманного сценария или же спонтанным процессом. Важно другое: то, что острие этого антихристианского иудейского движения оказалось направленным на Русь именно в конце XV в., было целиком закономерно, ибо в это время Вселенское Православие после Флорентийской унии и падения Константинополя переживало остро критический момент. На земле к этому времени осталась одна единственная православная держава – Россия. С ней было связано будущее мирового Православия. Только здесь Православная Церковь существовала в условиях полной свободы и покровительства, оказываемого православной монархией, и от этого зависела дальнейшая возможность распространения Православия в мире. И в том, что именно в

этот момент на Руси активизируется иудейский прозелитизм, можно видеть земное отражение той духовной брани, которая идет против Церкви Христовой. Быть может, планы иудейства в отношении Новгорода и не были сознательной антиправославной акцией, но лишь поиском нового жизненного пространства, благоприятного для иудейской общины. Однако духовное противостояние иудаизма и христианства делало проповедь «жидовствующих» тем субстратом, на котором оказывалось возможным отчаянное наступление сил зла против последнего остатка Православия в мире, против формирующегося «Третьего Рима». В случае успеха в деле распространения ереси в Новгороде «жидовствующие» могли ожидать еще больших результатов, если бы их движение перекинулось на Москву. Здесь со временем уже можно было надеяться на обращение великого князя. И тогда Русь вполне могла бы повторить судьбу Хазарского каганата.

Итак, ересь исподволь развивалась в Новгороде. Причем, интересно отметить, что после обращения Дениса и Алексея сами Схария и его сотрудники исчезают из поля зрения современников, так что действительно может показаться, будто не было никаких инициаторов процесса распространения «жидовства» на Руси. Скорее всего Схария и иже с ним сделали в Новгороде некую затравку, запустили механизм, после чего уехали оттуда, чтобы далее дело продвигалось вполне самостоятельно и выглядело именно так, как это описывает Лурье. Хотя, быть может, родоначальники ереси покинули Русь просто из опасения за свою участь. Однако ряд фактов позволяет думать, что Схария и его коллеги продолжали следить за развитием событий на Руси и конспиративно контролировать дело распространения ереси, не афишируя своего участия в нем. Вообще нужно отдать должное скромности этих «тружеников» на ниве иудейского прозелитизма, которые вовсе не стремились увековечить свои имена в истории, действовали не ради личного тщеславия, а исключительно ради задуманного ими великого дела.

Ученики Схарии – Денис и Алексей – тоже оказались блестящими миссионерами: это подтверждает тот факт, что им удалось обратить в «жидовство» множество новгородских клириков, в том числе даже протопопа кафедрального Софийского собора Гавриила. За 17 лет нелегального существования «жидовствующих» в Новгороде число адептов ереси стало гигантским. Причем, сознательно пропаганда велась, в первую очередь, среди духовенства, в расчете на то, что оправдается древняя поговорка: «каков поп, таков и приход». И дейст-

вительно, далее уже сами «жидовствующие» священники распространяют ересь среди своей паствы.

1478 год стал годом исполнения пророчества св. Ионы, архиепископа Новгородского. Новгород был окончательно присоединен к Московскому государству и потерял свою самостоятельность. Причем Иоанн III впервые осуществил здесь секуляризацию церковных земель: он отобрал владения архиепископской кафедры и шести крупнейших монастырей, мотивируя это наказанием новгородцев за непокорность. Был снят и увезен в Москву вечевой колокол, который был символом новгородской вольности. Это был сильнейший удар по самолюбию жителей Новгорода. Множество новгородцев было выселено в другие земли: в Москву, Тверь, Ростов. На смену им в Новгород переселялись москвичи: Иоанн III одним из первых оценил, сколь многих политических успехов он может добиться, используя массовые депортации. Архиепископ Феофил, подписавший ранее договор с Казимиром IV, был арестован и выслан из города как сторонник Литвы. Естественно, что после таких репрессий новгородцы не проявляли особой симпатии к Иоанну III, хотя им и приходилось прятать поглубже свои истинные чувства к объединителю Руси, так как ничего поделать они не могли.

Но вот в конце 1479 г. Иоанн III лично посетил усмиренный Новгород. Ни о каких «жидовствующих» он, разумеется, не подозревал: государя беспокоили сепаратистские настроения новгородцев. Приехав на берега Волхова, великий князь вполне ощутил прохладное отношение к себе со стороны жителей Новгорода, которые иначе и не могли относиться к государю, покончившему с новгородской свободой. Однако в покоренном Новгороде все же нашлись два человека, которые на фоне всеобщей неприязни покорили Иоанна своей теплотой и лояльностью к Московскому государю, а кроме того, привели его в восторг своей образованностью и красноречием. Разумеется, это были Денис и Алексей. Таким образом, способные ученики Схарии вошли в доверие к великому князю. Так что «жидовствующие» теперь могли продвинуться к следующему этапу своей программы и положить основание для прозелитизма среди московской элиты.

Иоанн III был буквально очарован новгородскими священниками настолько, что решил перевести их к себе поближе, в Москву. Здесь Алексей стал протопопом Успенского собора в Кремле, а Денис – протопопом Архангельского собора – великокняжеской усыпальницы. Таким образом, еретики стали настоятелями главнейших храмов

Русской Церкви. Успенский собор Московского Кремля – главный храм православного мира, пришедший на смену обращенной в мечеть Софии Константинопольской, – парадоксальным образом был только что построен католиком Фиоравенти и получил в настоятели «жидовствующего» протопопа.

В Москве Алексей и Денис продолжили свою прозелитическую деятельность с неменьшим успехом, чем в Новгороде. В числе совращенных москвичей оказались такие крупные фигуры, как архимандрит Симонова монастыря Зосима и думный (посольский) дьяк Феодор Васильевич Курицын (по сути, министр иностранных дел Московского государства, руководитель всей его внешней политики). Кроме того, адептами «жидовствующих» стали крестовые дьяки великого князя Истома и Сверчок, купец Кленов и другие видные представители московского общества. Позже к ним добавилась невестка великого князя Елена Волошанка, дочь молдавского господаря Стефана Великого, жена рано скончавшегося сына великого князя Иоанна Иоанновича Молодого и мать внука великого князя – Дмитрия Иоанновича, объявленного наследником Московского престола и даже соправителем Иоанна III. Таким образом, еретики проникают в великокняжескую семью. Еще немного, и во главе Русского государства вполне мог оказаться адепт ереси, и можно только догадываться, как бы в этом случае сложилась историческая судьба «Третьего Рима».

В Москве «жидовствующие» втайне действуют более 7 лет. И только в 1487 г. они совершенно случайно выдают себя в Новгороде. Хоть это и были «жидовствующие», но сохранившиеся особенности чисто русского менталитета их подвели. «Руси веселие есть пити», – сказал когда-то св. князь Владимир, так что неудивительно, что о ереси в итоге проговорились в пьяной ссоре. Промысл Божий, который может проявиться даже в такой на первый взгляд нелепой ситуации, уберег Святую Русь, несмотря на то, что еретики уже были близки к цели. Однако обычная человеческая слабость – склонность к винопитию – послужила причиной того, что «жидовствующих» наконец-то обнаружили. Поп Наум был изобличен в ереси вследствие того, что в пьяной компании вдруг стали переругиваться напившиеся еретики. Но рядом с ними за столом оказались и православные, которые после всего услышанного от своих ругавшихся собутыльников пришли в ужас и быстро протрезвели. Они рассказали обо всем услышанном Новгородскому архиепископу Геннадию (Гонзову) (о нем уже говорилось, когда речь шла о противниках митрополита Ге-

ронтия, одним из которых и был Чудовский архимандрит, поставленный после покорения Новгорода на архиепископскую кафедру в 1484 г.). Архиепископ Геннадий велел арестовать всю веселившуюся компанию и учинить допрос. Началось следствие, которое выявило картину, вызвавшую у Геннадия содрогание. Оказалось, что в епархии ничего не подозревавшего архиепископа ересь давно уже успела пустить совершенно невообразимые корни. Множество священнослужителей, купцов, чиновников состояло в этой секте. Причем, все священнослужители, совращенные в «жидовство», оставались на своих приходах, где они продолжали служить, совершали литургию и прочие богослужения и таинства, как и положено православным, а втайне проповедовали ересь.

Геннадий ужаснулся не только масштабу деятельности «жидовствующих», но и тому, сколь четко было продумано дело пропаганды ереси. Трудно было предположить, чтобы наши доморощенные «гуманисты» – Денис и Алексей – додумались облекать свои «просвещенческие» идеи в столь изощренно законспирированную форму. По сути, служение новгородских попов-еретиков выглядело как пародия, карикатура на Церковь – нечто сродни «черным мессам» сатанистов. В сущности внутри церковного сообщества «жидовствующие» клирики создали некую антицерковь: здесь сохранялись все внешние, зримые богослужебные формы, за которыми уже не было духовного содержания. Следует отметить, что еретики, как хорошие психологи, использовали для пропаганды «жидовства» еще одно средство – уже упомянутые застолья, одно из которых, впрочем, их и выдало. Судя по всему, на них приглашались те лица, которые не входили в круг еретиков, но которых желательно было обратить. Вероятно, «жидовствующие» рассчитывали, что в задушевной беседе за чашей хмельного меда можно будет легче заинтересовать собеседника новым учением, посеять сомнение в истинности православной веры и в конце концов завлечь в свою секту нового адепта.

Архиепископ Геннадий, узнав о том, сколь широкое распространение получила ересь «жидовствующих» среди новгородцев, был так поражен этим фактом, что счел это делом государственной важности. Прекрасно оценив, какую угрозу таит обнаруженное лжеучение для Православной Церкви и формирующегося Российского государства, св. Геннадий посчитал необходимым донести об обнаружении еретиков великому князю и митрополиту Геронтию. Но, как и следовало ожидать, великий князь, мало чувствительный к духовным вопросам, человек рационалистического склада, не придавал особого

значения сообщению Геннадия. Он ограничился лишь общим, мало к чему обязывающим указанием: *«того беречи, чтоб то лихо в земли не распростерлося»*.

Митрополит Геронтий был с Новгородским архиереем не в ладах еще со времени спора о хождении «посолонь», когда Геннадий выступил на стороне великого князя. Известно, что Геронтий вскоре после этого инцидента даже на какое-то время сажал Геннадия на цепь под арест. Поэтому неудивительно, что престарелый Первоиерарх также не реагировал на тревожный сигнал нелюбимого архиерея из Новгорода. Тогда Геннадию не оставалось ничего другого, как самостоятельно приступить к розыску в своей епархии.

Конспирация среди еретиков, как уже говорилось, была отточена до предела. Однако Геннадию в условиях, когда «жидовствующие» запирались и отказывались давать показания, чрезвычайно помогло то обстоятельство, что тот самый поп Наум, с обнаружения которого началось расследование, будучи некогда совращенным в ересь, отрекся от нее и принес покаяние. Вероятно, он занимал не последнее положение в секте и входил в круг наиболее посвященных. Наум рассказал Геннадию о том, что представляет собой учение «жидовствующих» и даже принес архиепископу их книги.

Однако даже получив некоторое представление о характере секты, святитель Геннадий все же не мог в силу ее конспиративного характера сразу открыть значительное число лиц, принадлежащих к кругу «жидовствующих». Несмотря на искреннее раскаяние Наума, архиепископ смог арестовать лишь четверых еретиков: двух попов да двух дьяконов, которые вскоре были отданы на поруки, но бежали в Москву. Здесь они надеялись найти покровительство у близких к великому князю еретиков. Но Геннадий сообщил о беглецах в столицу. В Москве их дело рассматривалось судом при участии великого князя, митрополита и епископов. Хотя трое еретиков и были в феврале 1488 г. признаны виновными, но лишь с формулировкой «надругательства над иконами в пьяном виде». О ереси как таковой, благодаря вмешательству влиятельных столичных адептов «жидовства», в приговоре ничего не говорилось. Осужденные были биты кнутом и отправлены к Геннадию для принесения покаяния и повторения экзекуции в случае отказа. Архиепископу было велено продолжать розыск у себя в епархии. Реакция великокняжеской власти на ересь была не слишком решительной ввиду большого влияния, которое еретики приобрели при дворе. Новгородский архиепископ, не находя в Москве отклика своей ревности, говорил, что в столице «обыск

чинился не крепко». Вероятно, он уже понимал причины этого и чувствовал, что еретики вплотную приблизились к государеву окружению.

И все же Геннадий усердно продолжал расследование и выявил в Новгороде множество новых адептов ереси. Он все-таки сумел найти способы совладать с конспиративным совершенством «жидовствующих». Но Геннадий в это время поступал с ними довольно мягко: приносившие покаяние были вновь принимаемы в общение церковное через особый чин отречения от ереси. Лишь немногочисленные упорствующие в «жидовстве» передавались в руки гражданских властей для наказания. Все данные о производимом в Новгороде розыске Геннадий исправно отправлял в Москву, но поддержки из столицы так и не получил, хотя весьма надеялся, что там будет проведен собор, который рассмотрит проблему «жидовства». Увы, митрополит Геронтий из неприязни к Геннадию, а быть может, и по старости своей никак не реагировал. В то же время великий князь подпал под влияние тайных еретиков, свивших свое гнездо при дворе, а потому также не считал необходимым уделить вопросу об осуждении ереси должного внимания. Св. Геннадий остался практически в одиночестве. Он с горечью отмечал в послании к Ростовскому архиепископу Иоасафу: *«Положили то дело ни за что, как бы Новгород с Москвою — не едино Православие»*. Архиепископ Новгородский сетовал, что в Москве *«конца еретикам не учинили»*.

Результат этого явно обусловленного влиянием еретиков невнимания столичной власти к проблеме «жидовства» стал заметен очень скоро: многие из ранее раскаявшихся новгородских «жидовствующих» вновь уклонились в ересь. Большинство их бежало в Москву, где еретикам жилось вольготно под покровительством невестки великого князя Елены Волошанки, Феодора Курицына и протопопа Алексея. Св. Геннадий стал пытаться привлечь внимание к ереси, обращаясь к другим архиереям Русской Церкви. Он рассылал послания к Нифонту Суздальскому, Филофею Пермскому, Прохору Сарскому, Иоасафу Ростовскому. Однако поначалу особой поддержки Геннадий не встретил. Это не удивительно, так как многие поначалу сочли «жидовство» местной новгородской проблемой. Кроме того еретики активно использовали в борьбе против своего единственного обличителя самые грязные приемы (как бы теперь сказали, «черный пиар»). Лучший способ обороны — нападение, и, следуя этому принципу, еретики организовали такую провокацию: еретики пустили слух о том, что Новгородский архиепископ сам потворствует ере-

си и поэтому не радеет об ее искоренении. Даже преп. Иосиф Волоцкий, ставший позднее продолжателем дела святителя Геннадия, поначалу упрекал его в том, что владыка *«не показал о деле не малого попечения»*.

Между тем, новым оплотом и центром ереси стала Москва. Штаб еретиков оформился вокруг их ведущего лидера – образованного и влиятельного посольского дьяка Феодора Курицына, фактического руководителя внешней политики Русского государства. Его совращение, конечно, сулило «жидовствующим» колоссальный прорыв в деле распространения ереси среди верхушки русского общества. Возможно, Курицына «завербовали» еще во время его четырехлетнего пребывания за границей: в 1482 г. он выехал в Венгрию, где имел контакты с европейскими вольнодумцами, а когда его сознание оказалось расшатанным достаточно основательно, соратники Схарии приступили к непосредственной обработке Курицына. Этому благоприятствовали обстоятельства: по дороге из Венгрии в Крым, где дьяк должен был выполнить еще одно дипломатическое поручение, Курицын был взят в плен турками. По освобождению своем он при дворе Менгли-Гирея встретился с самим Схарией. Скорее всего именно здесь, обольщенный родоначальником «жидовства», Курицын стал полноправным и ревностным членом секты. Когда в 1486 г. дьяк вернулся в Москву, он привез сюда письмо от Схарии, в котором тот просил у Иоанна III позволения поселиться в Москве. Вероятно, лидер секты намеревался более решительно влиять на пропаганду «жидовства» после того, как ересь перекинулась в Москву. В любом случае показательно, что основатель ереси и после своего исчезновения из Новгорода продолжал издали внимательно следить за тем, как продвигается начатое им на Руси предприятие. Иоанн III, традиционно недалёковидный в духовных вопросах и подверженный влиянию еретиков, дал Схарии разрешение прибыть в Москву. Посольство Иоанна III, возглавляемое Димитрием Васильевичем Шеиным, в 1487–1488 гг. должно было отвезти Схарии разрешение на переезд в Москву.

Однако Схария так и не успел воспользоваться любезным позволением великого князя натурализоваться в пределах его православного царства. Оно и понятно: ответ Иоанна Схария получил аккурат вместе с первыми известиями об обнаружении ереси Геннадием Новгородским. Желая побережь столь успешно начатое на Руси дело, а заодно и свою голову, Схария остается в Крыму, в Кафе (нынешняя Феодосия). Но через направляемых от Курицына русских

дипломатов он по-прежнему поддерживает самые оживленные связи со своими «духовными чадами». Из них наиболее влиятельным и видным был, безусловно, Феодор Курицын. Владевший немецким, польским, венгерским и греческим языками, человек европейски-ренессансной широты взглядов, он был бесспорным лидером русских «жидовствующих». Нередкий для русского человека комплекс варвара, преклоняющегося перед европейской культурой, сделал из него послушное орудие в руках Схарии и его соратников, умело преподнесших яд своего учения в красивой «обертке» просвещения и вольнодумства.

Глава 17. Искоренение ереси «жидовствующих». Споры о монастырском землевладении

Митрополит-еретик Зосима (Брадатый). Собор 1490 г. Первое осуждение и наказание «жидовствующих». Эсхатологические настроения и проблема пасхалии. Низложение Зосимы. Митрополит Симон. Деятельность преп. Иосифа Волоцкого. Книга «Просветитель». Собор 1504 г., окончательное осуждение и казни еретиков. Геннадиевская Библия. Собор 1503 г. и его решения. Споры о монастырском землевладении между сторонниками преп. Нила Сорского и преп. Иосифа Волоцкого.

В мае 1489 г. скончался митрополит Геронтий. «Жидовствующие» постарались извлечь выгоду из создавшегося положения. Во-первых, как можно полагать, не без их участия Московская Первосвятительская кафедра вдовствовала целых полтора года. Во-вторых, преемником почившего Геронтия стал в сентябре 1490 г. бывший великокняжеский чиновник, позднее принявший постриг и ставший симоновским архимандритом, Зосима (Брадатый). Как уже отмечалось, это был тайный приверженец ереси «жидовствующих». Безусловно, к избранию столь одиозной личности на митрополичью кафедру приложили руку московские еретики из окружения великого князя. Преп. Иосиф Волоцкий утверждал, что об этом особенно порадел протопоп Алексей, который, по всей вероятности, и обратил Зосиму в «жидовство». Интересно, что Геннадия под надуманным предлогом борьбы с ересью заставили остаться в Новгороде в то время, когда в Москве проходил собор, избравший нового митрополита. Очевидно, боялись, что Новгородский архиепископ не допустит избрания адепта ереси.

Митрополит Зосима, по свидетельству современников, был совершенно неверующим человеком, не вписывающимся даже в нормы той суррогатной религиозности, которые проповедовали новгородско-московские еретики. Однако, как уже отмечалось, задача настоящего прозелитизма перед творцами ереси «жидовствующих» не стояла. Главным было расшатать Православие любыми методами и отвлечь от него верхушку русского общества. Заимствованное из Европы после оживления связей с Западом при Иоанне III ренессансное вольнодумство имело своей крайней формой атеизм. Однако, даже в Италии эпохи Возрождения, при упадке и развращенности нравов той поры, находилось немного людей, которые бы полностью от-

рицали бытие Божие. Увы, и по этой части Россия оказалась «впереди планеты всей»: Предстоятель Русской Православной Церкви митрополит Зосима, судя по его высказываниям, принадлежал именно к приверженцам полного безбожия. В частных беседах он утверждал, что не существует ни Царствия Небесного, ни Вечной жизни. Зосима выражался так: *«А что то Царство Небесное, а что то Второе Пришествие, а что то Воскресение мертвых? А ничего того неть – умер кто, то и умер, по та места и был!»* Митрополит отрицал не только догматы христианской веры, но даже бессмертие души. Вот таких «передовых» взглядов держался новый митрополит всея Руси. Кроме того, от западных вольнодумцев он позаимствовал еще один весьма модный в той же ренессансной Италии порок. Зосима, судя по свидетельствам современников, был содомитом. Карташев весьма образно назвал его *«законченным типом опустившегося московского «интеллигента»-вольнодумца»*. Казалось, что, избрав такого деятеля Первоиерархом, Русская Церковь вплотную подошла к краю бездны – оставалось сделать один лишь шаг.

Однако, несмотря на такой очевидный успех еретиков, они не могли быть спокойны: св. Геннадий продолжал требовать осуждения «жидовствующих». Зосима же не хотел с самых первых своих шагов на поприще Предстоятеля Русской Церкви изобличить себя как приверженца ереси. Поэтому ему поневоле пришлось возобновить процесс по делу еретиков, закончившийся их первым соборным осуждением, хотя, как и следовало ожидать, чрезвычайно мягким. Но все же прецедент был создан. Причем, вновь это была всецело заслуга Геннадия Новгородского. После того, как Зосима был избран без участия Новгородского архиерея, Геннадий, вероятно, уже уразумев тактику еретиков в кадровом вопросе, отказался прислать свою т. н. «повольную» грамоту, в которой содержалось бы его согласие на избрание нового архиерея на вакантную Коломенскую кафедру. Новгородский архиепископ прямо заявил, что если избрание это совершить прежде соборного осуждения «жидовства», то еретик легко может быть избран в епископы. Это был явный намек на личность нового митрополита. И Зосима это, кажется, понял, а потому и решил продемонстрировать свою лояльность по отношению к Православию. Всего лишь спустя 21 день после избрания митрополита собравшиеся на выборы Предстоятеля архиереи вновь возобновили соборные заседания, теперь уже в связи с вопросом о «жидовствующих». Собор «на жидовствующих» проходил в октябре 1490 г. Помимо епископата в нем приняли участие и некоторые

игумены и священники, в частности старцы Паисий Ярославов и преп. Нил Сорский. Происками Зосимы и Курицына речь вновь шла только о еретиках-новгородцах – московских «жидовствующих» не трогали. Геннадий требовал тотального розыска о еретиках по всей Руси, но покровители ереси опять хотели придать делу узко локальный характер. К обвиняемым добавились лишь двое московских еретиков. Пришлось пожертвовать архангельским протопопом Денисом и игуменом Немчинова монастыря, что близ Пскова, Захаром, который, впрочем, был на деле не «жидовствующим», а приверженцем ереси стригольников. Успенский протопоп Алексей к этому времени уже умер. Еретики запирались и не проявляли раскаяния, а потому были отлучены от Церкви и преданы анафеме. Затем предстояло передать их в руки гражданских властей для наказания.

Геннадий выступал как сторонник весьма крутых мер в отношении еретиков, отчасти вдохновляясь примерами испанской инквизиции. О них поведал архиепископу доминиканский монах-хорват Вениамин, трудившийся при Геннадии в качестве переводчика. Под впечатлением беседы с послом императора «Священной Римской империи» Николаем Поппелем Новгородский владыка, опять-таки не без намека на «жидовство» новопоставленного митрополита, писал Зосиме: *«Сказывал ми посол цесарев про Шпанского короля (имеется в виду Фердинанд II Католик. – В.П.), как он свою очистил землю, и аз с тех речей и список к тебе послал. И ты бы, господине, великому князю о том пристойно говорил, не токмо спасения ради его, но и чести для государя великого князя»*. Геннадий требовал казни еретиков, которые уже однажды приносили ему покаяние, но потом вновь возвратились к ереси. Между тем, заволжские старцы с присущей им мягкостью возражали на столь радикальное предложение. Их позицию, разумеется, поддержал Зосима, и великий князь не без влияния Курицына постановил предать «жидовствующих» гораздо менее суровым наказаниям. Вообще же на Руси не привыкли к аутодафе в духе католической инквизиции. Суровость Геннадия, однако, тоже можно объяснить: ему, как никому другому тогда на Руси, была известна вся подноготная антицерковной деятельности еретиков, о которой он тщетно пытался известить власти светскую и церковную. При этом архиепископ Новгородский видел пагубную для страны духовную слепоту великого князя, откровенное отступничество митрополита, непонимание со стороны архиереев и духовенства. По сути, лишь он один тогда осознавал, что Россия стоит на грани катаст-

рофы: еще немного, и от единственной в мире православной державы ничего не останется.

Некоторые из еретиков после собора были осуждены на заточение. Других возвратили в Новгород, где Геннадий предал их публичному позору. Гражданская казнь заключалась в том, что за 40 верст от Новгорода их посадили на коней задом наперед, надели на них берестяные колпаки с надписью: «*Се есть сатанино воинство*». В таком виде их возили по городу. Затем колпаки на головах «жидовствующих» сожгли. Некоторых били кнутом, а затем всех отправили в заключение: строгий в теории, Геннадий, однако, с присущей русскому менталитету мягкостью так и не решился провести в жизнь свои призывы к смертной казни. Режим, судя по всему, еретикам был назначен не строгий, так как вскоре, по словам преп. Иосифа Волоцкого, почти все они, вновь принеся притворное покаяние, были освобождены и разбежались в Литву или «в немцы». Опять все было тщательно отрежиссированно и организовано. И даже демократичный и либеральный А.В. Карташев по этому поводу замечает: «*Не похоже на обычную русскую анархичность*».

Однако уступка Зосимы Геннадию была явлением временным. Вскоре после Собора 1490 г. в Москве вновь усилилась пропаганда ереси при попустительстве, если не при участии самого митрополита. Чудовищно, но всего через каких-то тридцать лет после великого святителя Ионы на первосвятительской кафедре оказался митрополит-еретик. Воистину Москва наследовала судьбу Второго Рима – Константинополя даже в таких деталях: там святителей-подвижников, таких как Иоанн Златоуст, Флавиан, Герман, Никифор, Фотий и др., также нередко сменяли откровенные еретики. Ближайшими сподвижниками Зосимы и Федора Курицына стали брат последнего – дьяк Иван Волк Курицын и зять умершего протопопа Алексея Иван Максимов. Они активно включились в работу по распространению «жидовства» в Москве. Немало им в этом способствовало то обстоятельство, что приближался 7000 год по исчислению от сотворения мира. К этому времени уже было забыто, что сама точка отсчета времени была некогда избрана достаточно условно, но сохранилось стойкое мнение, что по истечении 7000 лет наступит конец мира. Эта дата приходилась на 1492 год. Причем убеждение в скоро грядущем конце света было так велико, что даже пасхалию не считали нужным составлять далее этого года. Однако, когда чаемого светопрествления не произошло, «жидовствующие» мгновенно стали использовать этот аргумент в смысле того, что Православие не ис-

тинно, раз такие прогнозы не сбываются. Поскольку эсхатологические искривления в обыденном сознании всегда находили и продолжают находить заметный отклик, обнаружилось немало невежд, чьих аргументы «жидовствующих» убеждали, и ряды еретиков росли. В связи с этим Геннадий Новгородский с присущим ему комплексным подходом к борьбе с ересью был вынужден заняться и ставшей столь острой проблемой составления пасхалии.

В то же время еретики привлекали все более новые средства воздействия на умы: свое ложное богословствование они нередко сочетали с такого рода деятельностью, как астрология и магия, о чем писал преп. Иосиф Волоцкий. Приманкой ложной таинственности к ереси удавалось привлечь немало влиятельных вельмож и придворных, о чем впоследствии писал инок Зиновий Отенский. Голубинский полагал, что ересь стала состоять из двух элементов – тайной оккультно-иудействующей доктрины и астрологической ширмы, которая многих привлекала к «жидовству», но в то же время позволяла опровергать все обвинения в ереси через сведение всей проблемы к якобы одним лишь невинным занятиям по составлению гороскопов. Хотя возможно, что сообщество еретиков и в реальности могло быть неоднородным: одни были привлечены собственно близким к иудейству учением, другие – вольномыслием, третьи – астрологией и магией. Главное, что все в итоге отходили от Православия.

Митрополит Зосима, однако, все же не смог устоять против усилившегося натиска на ересь со стороны ревновавших о Православии. Он пытался воспрепятствовать своим обличителям тем, что подвергал их церковным прещениям или добивался расправы над ними со стороны светских властей. И все же удержался он на кафедре лишь немногим более трех с половиной лет. Устранили его, однако, не на основании обвинения в ереси, что тогда еще трудно было сделать, но по обвинению в нравственных пороках – пьянстве и содомии. Зосиму в мае 1494 г. свели с митрополии и отправили на покаяние в Симонов монастырь, а затем перевели в Троице-Сергиеву обитель.

Однако и на этот раз новый Предстоятель Русской Церкви был избран лишь через полтора года, в сентябре 1495 г. Первоиерархом стал митрополит Симон, прежде бывший игуменом Троице-Сергиева монастыря. Вероятно, проволочка с поставлением нового митрополита вновь была делом интриг «жидовствующих», и в первую очередь – влиятельного Курицына. Новый митрополит, однако, был строго православных убеждений, но ему не скоро удалось начать активно действовать против еретиков, которые еще были очень сильны.

«Жидовствующим» не только удавалось до поры сковывать действия митрополита, они смогли, действуя через придворные круги, в значительной степени нейтрализовать даже своего основного противника – Геннадия Новгородского. Это проявилось прежде всего в том, что Курицын сумел провести в архимандриты крупнейшего в Новгороде Юрьева монастыря влиятельного еретика Кассиана, который превратил древнюю обитель в центр вновь активизировавшейся в Новгороде ереси. Родной брат Кассиана – Ивашка Черный – проявил такую ревность по части «жидовства», что даже принял обрезание и ездил в Литву, где общался с тамошними иудеями и бежавшими из Новгорода и Москвы еретиками.

Но все же, несмотря на то, что «жидовствующим» удалось ослабить антиеретическую деятельность архиепископа Геннадия, на смену ему пришел другой видный борец с «жидовствующими» – преп. Иосиф, игумен Волоцкий. Он был не менее решительным противником ереси. Его борьба с «жидовством», благодаря его выдающемуся дару писателя-полемиста, стала столь же действенной, как и усилия, предпринятые св. Геннадием. Это в конечном счете и обеспечило победу над ересью. Преп. Иосиф (в миру Иван Санин) был близок ко двору великого князя. Узнав о ереси от Геннадия, к епархии которого тогда относился Волоцкий монастырь, Иосиф далеко не сразу выступил против «жидовствующих». Едва ли эмоциональное обличение, высказанное тогда еще не очень известным игуменом, могло принести значительный эффект при борьбе с «жидовством». Но Иосиф поступил очень мудро: он стал собирать материал против еретиков и со временем написал свою знаменитую книгу «Просветитель». Значение этого полемического труда Волоцкого игумена в деле борьбы с ересью было чрезвычайно велико. Эта книга стала фактически первым русским учебником догматики, построенным в полемическом ключе и отвечающим на наиболее насущные вопросы того времени, когда лукавая пропаганда «жидовствующих» смущала души не слишком образованных русских людей. По сути, именно преп. Иосиф обеспечил окончательную победу Православия над «жидовством».

Еще одним важным событием, которое весьма ослабило еретиков, стала смерть Феодора Курицына, последовавшая, вероятно, вскоре после 1497 г. Не стало одного из главнейших ересиархов, имевшего на Иоанна III гигантское влияние, причем, скорее всего, через модную астрологию, которой увлекался монарх. После того, как государь стал свободен от влияния Курицына, он постепенно стал освобождаться от своих симпатий к «жидовствующим». И напротив, рев-

нителю Православия стали пользоваться все большим вниманием со стороны великого князя, находившегося в пожилом возрасте и начинавшего задумываться о приближении смерти. К 1503 г. Иоанн III окончательно раскаялся в том, что некогда благоволил к еретикам. Он просил за это прощения у русских иерархов и преп. Иосифа, к которому испытывал все большую привязанность. К этому времени окончательно совершился поворот великого князя в сторону решительных противников «жидовства», и он решил применить к еретикам самые строгие меры.

Вопрос о «жидовствующих» требовал детального обсуждения на соборе, который подвел бы итог борьбе с ересью и определил, как поступать с еретиками. Тем более, что мнения на этот счет в церковной среде разделились: заволжские старцы-нестяжатели Нил Сорский и Паисий Ярославов были против строгих репрессий. Однако митрополит Симон и подавляющее большинство иерархов и духовенства были настроены более решительно, требуя смертной казни еретиков. Причиной такой необычной для Руси суровости были многочисленные случаи ложного покаяния еретиков, после которого они продолжали свою антицерковную деятельность. В частности, преп. Иосиф получил от иконописца Феодосия, сына Дионисия, известие о вопиющем случае богохульства. Как сообщал Феодосий, некий притворно покаявшийся еретик-священник был прощен и вновь допущен к служению. Однажды он, совершив литургию, вместо потребления Святых Даров выплеснул их в печь, после чего был поражен видением Богомладенца, Который сказал ему, что так же ввергнет еретика в огонь.

Собор «на жидовствующих» собрался в ноябре-декабре 1504 г. Перед этим великий князь велел произвести тщательный розыск и привлечь к суду всех обнаруженных еретиков. Собор определил анафематствовать их и передать на расправу великокняжеской власти. После этого в Москве были сожжены в клетках дьяк Иван Волк Курицын, Митя Коноплев и Ивашка Максимов. А в Новгороде по урезанию языка был сожжен Некрас Рукавов. Затем его участь разделили Юрьевский архимандрит Кассиан, его брат Ивашка Черный и некоторые другие еретики. «Жидовство» этими мерами было сокрушено как масштабное, организованное предприятие, хотя, разумеется, многим еретикам удалось избежать наказания и сохранить тлетворные семена ереси, которые со временем еще дадут свои всходы, как это будет видно на Соборе 1553–1554 гг., изобличившем ересь Косого и Башкина.

Как и следовало ожидать, еретики, в большинстве своем уstraшенные казнями, в очередной раз стали каяться. Множество не самых влиятельных «жидовствующих» было прощено великим князем, желавшим явить милость в преддверии своей кончины, последовавшей в 1505 г. Преп. Иосиф, однако, предостерегал, что доверять им не следует: покаяние их, как это уже не раз случалось, почти всегда при творно и вызвано лишь страхом. Под влиянием Иосифа Волоцкого новый великий князь Василий III опять заточил всех амнистированных его отцом «жидовствующих».

Кстати, вопрос о наследнике Иоанна III тоже оказался тесно связан с проблемой «жидовствующих». Первоначально наследником Московского великокняжеского престола, а после венчания по византийскому чину (первому в истории Руси) – и соправителем считался внук Иоанна III, сын Елены Волошанки Димитрий Иоаннович. Однако у Иоанна III имелись и дети от брака с Софьей Палеолог, старшим из которых был Василий Иоаннович. К сложному клубку династических интриг добавилась и проблема причастности Елены Волошанки к ереси. У России был вполне реальный шанс получить в государя человека, воспитанного матерью – сторонницей «жидовства». Но Димитрий был заточен и умер в тюрьме. А преемником Иоанна стал Василий III. Личная драма в великокняжеской семье стала отражением борьбы за исторические судьбы Российского государства и Православной Церкви.

Подводя итог вопросу о ереси «жидовствующих», следует еще раз отметить, что она, безусловно, явилась попыткой враждебных Православию сил расшатать или даже разложить Русскую Церковь и Русское государство изнутри в наиболее ответственный исторический момент становления автокефального церковного бытия и утверждения независимой от Орды русской христианской государственности. Для этого был использован пестрый набор соблазнов, рассчитанных, главным образом, на социальную и интеллектуальную элиту общества, прежде всего вольнодумство, просвещение (что было особенно действенно в отставшей в этом плане за годы татарщины Москве), магия и астрология. Безусловно, важную роль в ряде случаев играл и собственно религиозный момент: богословская отсталость Руси позволяла вовлечь в «жидовство» многих вполне искренне верующих людей, которые давали себя убедить в абсолютной необходимости и неотменимости Ветхого Завета, абстрагированного от Евангельского контекста. Все это очень близко тому комплексу, с которым встретилась Европа в эпоху Возрождения. Но очевидно,

что на Руси это явление было спровоцировано извне и приняло характер непримиримого противостояния с Православной Церковью. С этой точки зрения исторически правы оказались в вопросе о судьбе еретиков не кроткие старцы-нестяжатели, а суровые сторонники преп. Иосифа Волоцкого и митрополита Симона, требовавшие пресечения ереси самыми крайними мерами. Просветленные старцы-исихасты Нил и Паисий мерили всех по себе. Но если подвижник-аскет был защищен от ереси своей глубокой верой, своим умным делом и своей богословской начитанностью, то для большинства русских людей не представлялось возможным противостоять «жидовству» силами своего разума и духа. Так что преп. Иосиф в известной степени вынужден был быть жестоким, подобно хирургу, причиняющему боль и отсекающему больной орган ради того, чтобы целый организм остался здоровым.

В силу перечисленных моментов борьба с ересью «жидовства» вызвала к жизни и проблему перевода полного текста Библии. Это было, в первую очередь, связано с тем, что еретики широко использовали для своей пропаганды тексты, переведенные на славянский с более позднего, чем Септуагинта, т. н. масоретского варианта, более выгодного для толкования в антихристианском духе. Они ставили под сомнение истинность греческого текста, который лег в основу церковно-славянских переводов Библии. Так, например, еретики заново перевели в выгодном для себя духе Пятикнижие Моисеево. Кроме того, они ввели в обиход т. н. «Псалтирь жидовствующих», которая и вовсе была подделкой под подлинную библейскую книгу. Фальшивка имела целью отвлечь православных от чтения настоящей Псалтири с ее яркими мессианскими пророчествами, которые можно понимать исключительно в евангельском контексте.

Для того, чтобы противостоять литературным диверсиям «жидовствующих», архиепископ Геннадий предпринял выдающиеся усилия. Прежде всего, по инициативе Новгородского владыки были переведены западные полемические сочинения, написанные католическими богословами для обличения иудаизма. В их числе, например, была книга сорбоннского профессора-теолога Делира. Консультировал Геннадия относительно западного опыта борьбы с иудейской пропагандой уже упомянутый монах-доминиканец Вениамин. Нимало не соблазняясь латинством, Геннадий тем не менее прекрасно умел извлечь полезные уроки из опыта западных соседей, которые уже достаточно давно соприкоснулись с проблемой распространения иудейского влияния.

Однако противостоя антицерковной деятельности еретиков, св. Геннадий в полной мере ощутил, сколь необходим для полемики с ними полный свод библейских текстов в славянском переводе. Без этого борьба с «жидовствующими» не могла быть действенной. Но единого свода Библии не существовало тогда на всем Православном Востоке, где пользовались лишь сборниками отдельных книг. Именно святителю Геннадию принадлежит заслуга создания практически полного свода славянской Библии, появившейся в 1499 г., намного раньше греческого аналога. Точно так же, спустя почти целое столетие, Острожская Библия, напечатанная в основном по тексту Геннадиевской в 1580-х гг., была первым печатным изданием полной Библии в православном мире.

Говоря о времени правления митрополита Симона, помимо Собора 1504 г. «на жидовствующих», необходимо также упомянуть и собравшийся немного ранее, в 1503 г., Собор, целью которого было приведение в порядок дел внутрицерковных. Борьба с еретиками помогла Русской Церкви до некоторой степени очистить себя от ряда негативных явлений, на которые обращали внимание «жидовствующие», ведя свою пропаганду против Православия. Собором 1503 г. были приняты постановления: о невзимании епископами платы за поставление в священники и диаконы; о запрещении служить на приходах вдовым клирикам; о запрещении священнослужителям литургисать на второй день после того, как напьются допьяна; о запрете монахам совместно проживать с монахинями в общих (т. н. «оптиных») монастырях. Многие из этих вопросов уже не раз обсуждались, и по ним принимались всякий раз сходные запретительные решения. Однако внедрить их в жизнь оказывалось намного труднее. В то же время Церковь постоянно возвращалась к проблеме нравственной чистоты клириков и мирян, сознавая исключительную важность этой проблемы. Критика со стороны «жидовствующих» в адрес духовенства также побуждала вновь вернуться к этим вопросам, чтобы лишить еретиков возможности хулить Церковь с помощью отдельных примеров аморального поведения представителей духовенства.

Собор 1503 г. постановил совершенно прекратить сбор каких-либо ставленнических пошлин епископами. Причем соборное определение было написано по инициативе и от имени великого князя Иоанна III. К сожалению, хотя данное постановление было выражением стремления оздоровить нравы в среде русского духовенства, им

мгновенно воспользовались предчувствовавшие близкую гибель своего дела приверженцы «жидовства» для того, чтобы рассчитаться с одним из главнейших противников ереси – св. Геннадием Новгородским. Его нарочито обвинили в нарушении соборного определения о невзимании ставленнических пошлин, и в июне 1504 г. он был сведен с Новгородской кафедры. Надо, однако, отметить, что в Новгородской епархии, гигантская территория которой простиралась от Балтики до Урала, архиерею было весьма трудно разъезжать по приходам и монастырям для надзора и поставления новых клириков, не компенсируя за их счет издержек архиепископской кафедры. В противном случае владыка рисковал полностью разорить епархиальную казну, и без того небогатую после реквизиции Иоанном III земельных владений Новгородских архиепископов. Свои дни великий святитель закончил в 1505 г. в родном Чудовом монастыре Московского Кремля. Место его погребения и святые мощи не сохранились – монастырь был полностью уничтожен в 1930-х годах.

Еще одним острейшим вопросом, который был затронут на Соборе 1503 г., стала проблема монастырского землевладения. Великий князь, уже имевший опыт конфискации церковных имений в покоренном Новгороде, сделал первую попытку секуляризовать вотчины монастырей и в других областях Руси. Однако добиться этого ему не удалось. Духовенство Русской Церкви решительно воспротивилось притязаниям государя. Иоанн III был еще не столь силен, чтобы осуществить такое небывалое дело, а потому, встретив отпор со стороны Церкви, вынужден был отступить. Необходимо вкратце рассмотреть взгляды тех, кто выступил на Соборе 1503 г. с инициативой, столь близкой намерениям великого князя, – заволжских старцев Паисия Ярославова и его ученика преп. Нила Сорского, а также их оппонента – преп. Иосифа Волоцкого.

Паисий и Нил происходили из монастырей, тесно связанных с традицией преп. Кирилла Белозерского и в то же время близких к традициям греческого исихазма. Преп. Нил (он происходил из знатного рода Майковых) прожил какое-то время на Афоне, где в то время были сильны негативные по отношению к церковному землевладению настроения. Ранее уже отмечалось, что преп. Сергий скорее всего не считал возможным принимать в монастырь земельные пожертвования (правда, сохранились некоторые упоминания о том, что первые земельные вклады в Троицкий монастырь сделал еще св. благоверный князь Димитрий Донской при жизни преп. Сергия). Однако связано это было не с принципиальным отрицанием монастырского

землевладения, а со спецификой того периода, когда русское монашество только выходило из кризиса, вызванного монголо-татарским разгромом и порабощением, и начинался его подъем. В ситуации, когда далеко не вся братия представляла собой таких подвижников, как сам игумен (а это видно хотя бы из описанных в Житии преп. Сергия конфликтов, которые возникали в Троицком монастыре), когда находились противники общежительного устава, владение землями действительно могло привести некоторых нестойких иноков к соблазну. Но монашество духовно возродилось и укрепилось трудами преп. Сергия и его учеников, и вот уже преп. Никон Радонежский принимает вклады земельными вотчинами в Троицкий монастырь. Трудно представить себе, чтобы любимый ученик и преемник Сергия пошел против традиции учителя в таком важном вопросе, как отношение к земельной собственности. Принимал вотчинные вклады в свой монастырь и преп. Кирилл Белозерский. В целом же мы видим в эпоху расцвета русского монашества, в первой половине XV столетия, что землевладение отнюдь не было помехой настоящему подвигу и не нарушало монашеской аскезы.

Однако уже к исходу XV – началу XVI вв. становятся заметными признаки кризиса в монашестве, как, впрочем, и в духовной жизни русского народа в целом. И хотя в это время еще не приходится говорить об упадке подвижничества, уже далеко не все монастыри стоят на одинаковой духовной высоте. Среди монахов рубежа XV–XVI веков уже иногда встречаются откровенно опустившиеся в нравственном отношении личности, что отмечал Собор 1503 г. В такой ситуации землевладение действительно могло стать соблазном для иноков, отступающих от подлинного аскетического подвига. Наиболее яркие представители русского иночества начинают искать путей улучшения духовного состояния монастырей. Вероятно, они еще не сознают, что снижение уровня нравственности – это тенденция, общая для данного периода истории русского народа: уже миновала эпоха наивысшего духовного подъема, вызванного испытаниями татарщины и борьбы с ордынским игмом, политическая стабильность в сочетании с усилением великокняжеского единодержавия начинали вызывать стагнацию в духовной жизни Руси, что было целиком закономерно. Начинало сказываться и отсутствие должного уровня духовного просвещения.

В такой ситуации наметились две основные тенденции в русском монашестве, направленные к его оздоровлению. С одной стороны, линия преп. Нила Сорского – нестяжательство: скитское житие, от-

рицающее монастырское землевладение как вредное для духовной жизни. С другой – линия преп. Иосифа Волоцкого – уставное общежитие со строжайшей дисциплиной, допускающее землевладение ради сохранения независимого положения Церкви в стране и ее социально-культурного служения. Обе эти системы взглядов явились симметричным отражением тех духовных реалий, которые были характерны для эпохи в целом. По сути не было никакого противоречия между двумя типами монашеского делания, которые предлагались обоими великими русскими преподобными. Общежительное, строго уставное монашество Иосифа было той школой, без которой невозможно было пройти начальный период иноческого искуса (и Устав Нила Сорского прямо указывал, что в скит мог быть принят исключительно монах, уже прошедший не один год в общежительном монастыре). Кроме того, здесь могли полнее реализовать себя те, кто был склонен в большей степени к социальному служению в Церкви: делам просвещения, благотворительности и т.д. Иосифлянские монастыри были духовными оазисами для все более оскудевающего в этом плане общества.

В то же время скиты нестяжателей являлись настоящими пустынями для созерцателей-исихастов, ревнителей того т. н. «идиоритмического» типа монашества, который в это время начинает преобладать на Святой Горе Афон. Преп. Нил, лично причастный афонской традиции, отразил ее в своем скитском Уставе, рассчитанном именно на небольшие пустыни, где физический труд и созерцательная молитва были основным содержанием жизни иноков. Однако Русь не могла уже исчерпать своей монастырской традиции только таким типом подвига. Нужны были и сильные в хозяйственном отношении монастыри, которые являлись бы основой духовной жизни общества, выполняли бы в нем важнейшую социальную функцию, были бы культурно-просветительскими центрами. Такой тип обители предлагал преп. Иосиф.

К сожалению, для обоих подвижников уже была характерна (опять-таки в силу общих особенностей эпохи) некоторая степень абсолютизации своего собственного подхода к проблеме монастырского устройства, восприятие его как наиболее последовательного способа реализации монашеского идеала. Обе модели не столько их творцами, сколько их не в меру усердными последователями стали со временем рассматриваться как взаимоисключающие. Хотя на практике взаимоотношения самих препп. Иосифа и Нила оставались вполне благожелательными, а между их монастырями имело

место тесное сотрудничество, в деятельности их последователей проявился уже настоящий антагонизм. Это и привело в итоге к тому надуманному противопоставлению нестяжателей и иосифлян, которое стало особенно заметным после смерти преп. Иосифа. Ученики свв. Иосифа и Нила, в равной степени отошедшие от идеалов своих великих учителей и искажившие их, проявили в дальнейшем одинаково неприемлемые крайности обеих тенденций: это наиболее ярко подтверждает деятельность митрополита Даниила и князя-инока Вассиана Патрикеева.

Для преп. Нила, похоже, все же в большей степени, чем для преп. Иосифа, было характерно видеть в своем представлении о монашестве как исключительно скитском подвижничестве тот идеал, который способен устранить наметившиеся черты упадка в иноческой среде. Во всяком случае, именно Нилу и Паисию принадлежит инициатива довольно резкого выступления на Соборе 1503 г. против монастырского землевладения (хотя, безусловно, в значительной мере это выступление было спровоцировано великокняжеской властью), с чем не могли согласиться остальные участники Собора. Немалую роль сыграл в этом выступивший оппонентом Нила преп. Иосиф Волоцкий. По сути, он был приверженцем того же самого монашеского нестяжательства, но видел его под другим углом зрения: личная нестяжательность инока в общежительном монастыре сочеталась с коллективным богатством монастыря, которое являлось основой его социальной активности в обществе и залогом влияния Церкви в государстве.

Иосиф приводил в пример общежительные монастыри преп. Феодосия Великого, Афанасия Афонского, Антония и Феодосия Печерских, подтверждая тем самым, что в Церкви всегда существовала и такая форма иноческого подвига, а монашество всегда было ведущей силой внутри Церкви, ее оплотом и основой. Учитывал Иосиф и не самые лучшие реалии новой эпохи в истории Руси, когда заявлял: *«Аще у монастырей сел не будет, како честному и благородному человеку постричься? И аще не будет честных старцев, отколе взяти на митрополию или архиепископа или епископа и на всякия честные власти? А коли не будет честных старцев и благородных, ино вере будет колебание»*. Подобные слова были вызваны уже заметным оскудением светского и духовного просвещения, наличием образованных кадров преимущественно среди аристократических слоев общества, сословные предрассудки которого, к сожалению, теперь уже также приходилось принимать во внимание. Но все это Иосиф допускает

ради одного: вере православной не должно быть «поколебания». Интересы Церкви и православного государства обуславливают избранную им линию.

В споре последователей Иосифа и Нила мы уже можем видеть отражение новых исторических реалий, заключавшихся в том, что Русь перешагнула этап максимального духовного подъема. Намечались упадок и оскудение, что с тревогой отметили оба подвижника и предложили свои способы выхода из критической ситуации. Однако обе модели в основе своей отчасти были утопическими, ибо могли принести успех лишь при условии глубоко духовного подхода к их реализации. Но динамика духовно-нравственного оскудения Руси в течение XVI столетия была столь стремительной, что уже ближайшие последователи Нила и Иосифа показали, как легко оба направления искажаются в своих крайних проявлениях. Позднейшее иосифлянство, делающее акцент на монастырской собственности в отрыве от внутреннего нестяжательного подвига общежительных монахов, очень скоро превращается в крайность, в которой собственно монашеский подвиг зачастую выхолащивается и подменяется комфортным житием за счет вотчин. Это неминуемо приводит к нравственной деградации. Нестяжательство, в свою очередь, также, будучи взятым в своей крайности, неминуемо зашло бы в тупик, если бы окончательно возобладало в Церкви: перед лицом все более усиливающегося самодержавия с его тенденцией к вмешательству в дела Церкви, нестяжательская доктрина сделала бы Церковь абсолютно бессильной перед лицом государства, полностью лишила ее какой бы то ни было социальной роли в обществе. Возобладание нестяжательства как доминирующего направления в Русской Церкви, а не одной из возможных форм иноческого подвига, было бы чревато отчуждением Церкви от общества, возникновением между ними пропасти, что могло привести к потере духовной связи с народом, его расцерковлению и еще более стремительной нравственной деградации.

Ближайшие исторические события показали, что верх взяла тенденция иосифлян. Это объяснялось в значительной степени той идейной поддержкой, которую преп. Иосиф и его сподвижники оказывали великокняжеской власти в деле утверждения самодержавной монархии на Руси. Однако общий духовный упадок в русском обществе и отсутствие в среде позднейших иосифлян подвижников уровня самого преп. Иосифа (за исключением разве что св. митрополита Макария – в более поздний период) очень скоро обусловили

нарастание кризисных явлений внутри Русской Церкви. Это привело уже к 1530-м годам к тому, что диктат государства над Церковью стал в Московской Руси почти что нормой отношений между светской и духовной властями.